

Азбука
PREMIUM

Уильям САРОЯН

Мальчики
для девочек,
девочки
для мальчиков

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
С 20

William Saroyan
BOYS AND GIRLS TOGETHER
Copyright © 1963 by William Saroyan
All rights reserved

Перевод с английского Владимира Бошняка

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

© В. Бошняк, перевод, примечания, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-11526-2

Tasol nambawan taim God i wokim ol samting,
em i wokim man na meri. Orait.

*(Gud Nius Mak i Raitim. — Евангелие от Марка
на новопануасском, он же птичий английский.)*

Тогда как во времена номер первые Бог слепил
их зацело, прямо одним куском — мужчину
и женщину. Так-то вот.

*(То же самое в переводе с сарояно-американского,
он же старохренский английский.)*

В начале же создания, Бог мужчину и женщину
сотворил их. Аминь.

*(Святое благовествование от Марка,
глава 10, стих 6, — примерно соответствует
тексту Библии на языке короля Иакова,
он же занудский школьный английский.)*

Глава 1

Они сидели в гостиной, которую оба всей душой ненавидели, но каким-то образом одновременно и любили, — а куда денешься? Они — это муж и жена, в браке породившие двоих детей — сперва мальчика, потом девочку. День завершился, дети наконец-то спят или, во всяком случае, разложены по кроваткам, а они сидят, молчат и силятся придумать, что сказать, чтобы не сидеть совсем тупо, хотя говорить им не о чем, разве что устроить перепалку вроде тех, что случаются между ними частенько.

— Я тут, когда гуляла с дочкой, встретила жену Чарли, — говорит наконец женщина. — А ты, когда гулял с мальчиком, кого встречал?

— Никого не встречал. А кто это — жена Чарли?

— Как кто? Элен. А ты, можно подумать, не видел ни одной девушки?

— Одну видел, она стояла на углу, ждала трамвая.

— И как она? Вместо меня подошла бы?

— Ну, если на разок-другой — может быть, только давай не будем ссориться.

— Ага, не хочешь ссориться, а зачем тогда пялишься на каждую девицу и представляешь ее на моем месте?

— Привычка.

— Гадина какая-нибудь, и ты сам это знаешь.

— Да нет, на первый взгляд вроде нет. Такая прямо девочка-ромашка, взгляд чистый-лучистый, но со временем, конечно, запросто может и в гадину превратиться.

— Ты это к тому, что я в нее уже превратилась?

— Вот уж не знаю, в кого ты превратилась.

— Еще как знаешь.

— И в кого же?

— В добропорядочную жену, в хорошую мать, и я чертовски от всего этого устала, должна признаться.

— Так ты ж сама хотела! Впрочем, это и впрямь, наверное, утомляет. Но если примешь ванну и расслабишься (сейчас-то, вечером, слава богу, дети в ногах не путаются, верно?), глядишь, оно и не будет уже так утомительно.

— Да ну, я так устала, какая ванна! И голодна настолько, что даже есть, наверное, не смогу. Во всяком случае, то, что мы умеем сами приготовить.

— Ничего, примешь ванну, сможешь и поесть.

— А знаешь, чего бы мне на самом деле хотелось? Надеть лучшее платье и пойти куда-нибудь, где можно выпить рюмочку-другую и поужинать в приличной обстановке.

МАЛЬЧИКИ ДЛЯ ДЕВОЧЕК, ДЕВОЧКИ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ

— Ну, это нам сейчас никак, но если ты примешь ванну и наденешь лучшее платье, я открою пару банок рагу из чили с мясом и фасолью. Когда выйдешь, у меня уже будет накрыто, а перед едой пропустим по две-три стопочки.

— Ну поедим, а потом что будем делать?

— Давай сначала поедим.

— Думаешь, потом идея сама придет?

— Думаю, должна. Давай-давай, иди в ванну, и без спешки, с толком, с расстановкой...

— А выйду такая над-ду-ушенная!..

— Да мне и без духов нравится, как от тебя после ванны пахнет, но если тебе — нет, то душись на здоровье. Лично мне нравится просто запах чистой кожи, которая дышит.

— Тогда душиться не буду, ладно... А вдруг от меня будет мылом пахнуть?

— А запах мыла мне тоже нравится.

— Если мальчик вылезет из кровати, дай ему шлепка.

— Ладно.

Он подошел к женщине и обнял ее. От нее пахло усталым грязноватым телом и страхом. Ее кожа задышалась от пыли и пота, а дорогие духи, которыми она под вечер попрыскалась, делали этот запах только хуже.

— Стоп! Сейчас не целуй меня. Прибереги это на случай, если мы придумаем, что будем делать после ужина.

— Иди уже, мойся!

Женщина отправилась в ванную, и мужчина услышал, как она там напевает — тихонько и почти счастливо. Когда она легла в горячую воду, дверь спальни отворилась и оттуда вышел босой мальчик.

— А где мама?

— Принимает ванну.

— Я тоже хочу к маме в ванну.

— Тебе нельзя. Давай-ка поворачивай обратно и марш в кровать.

— Я пить хочу.

Отец открыл на кухне кран, дождался, когда струя пошла чистая и холодная, и набрал полный стакан воды, которую пятилетний малыш выпил всю и отдал пустой стакан. Вода всегда действовала на него убаготворяюще. И всякий раз он возвращал стакан с одним и тем же выражением лица — довольным и хитроватым, будто собирается подмигнуть.

— А ты почему не идешь в ванну?

— Я потом.

— А почему вы не моетесь вместе?

— Все, марш в кровать!

— Спокойной ночи.

— Давай-давай.

Он проводил мальчика до кровати; ложась, тот все еще хранил на лице хитровато-довольную мину, словно вот-вот подмигнет. Отойдя от него, отец перешел на другую сторону комнаты, чтобы бросить

МАЛЬЧИКИ ДЛЯ ДЕВОЧЕК, ДЕВОЧКИ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ

взгляд на спящую дочку, как раз высунувшую из-под одеяла голую попку. Ее голенькое двух с половиной летнее тельце было, пожалуй, самым красивым из всего, что он видел в жизни. Выходя из комнаты, он думал о том, что за мысли, интересно, посещают ее во сне.

Что за мысли посещают во сне его самого, он знал: на то, чтобы это выяснить, времени было вдоволь — как-никак тридцать девять лет уже прожил.

Он снова направился в кухню, достал две банки чили и принялся разглядывать этикетку в поисках инструкций, но тут решил сначала выпить — одну стопочку: надо ведь подготовиться к моменту, когда его девочка выведет свое драгоценное тело из ванной, и тогда, уже с ней за компанию, можно будет выпить еще.

Глава 2

Выпив, он подошел к двери ванной и говорит:

— Не пойми меня превратно, но мне, вообще-то, неплохо бы тоже помыться, да и мелкий наш тут интересовался: что это я не в ванне с тобой вместе, но ты не думай, это я просто так, без задней мысли.

— Ты ему дал шлепка?

— Да ну, зачем? Он пить хотел. Потом сразу рухнул и спит уже опять без задних ног. Ладно, бог с ним. Приму душ после чили. Не хочу портить тебе удовольствие.

— Ой, брось! Дверь не заперта. Входи.

Он вошел и увидел, что она уже стала куда невиннее и чище, и взгляд повеселел, тоже стал чистый-лучистый, а уж тело в ванне лежит такое — мечта любого мальчишки.

— Я только зубы почищу и побреюсь.

— Ты не потрешь мне спинку? А то мне самой не достать.

— Обязательно, только ты не спеши. Не надо превращать это в очередную обязаловку. А когда отдохнешь и помоешься, встань под душ и охладись.

МАЛЬЧИКИ ДЛЯ ДЕВОЧЕК, ДЕВОЧКИ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ

— Фи, не хочу под душ.

— Душ хорошо смывает с кожи пот, грязь и мыло, а если пустить воду похолоднее, кожа обретает упругость и проявляет свой естественный цвет. После ванны всегда надо принимать душ.

— Ну, тогда ладно, о'кей. А я не слишком жирная, как ты думаешь?

— Ты вовсе не жирная.

— Нет жирная. — Она встала. — Ну вот же, здесь. И здесь выше, и тут, и тут, а вот тут?

— Это не жир. Это женственность. Совсем другое дело.

— А у нее как с женственностью — небось, не хуже, чем у меня?

— У кого?

— У той девицы, на которую ты пялился на остановке трамвая. У девочки-ромашки, стоявшей с невинным видом.

— А-а. — Прополоскав рот, он выплюнул воду, белую от зубной пасты. — Нет, у нее хуже.

— Ты это, наверное, нарочно, потому что всюю уже думаешь о том, что собираешься делать после чили.

— Да нет, она была... ну, скажем, тощевата.

— Ой, ладно, ты просто подлизываешься, уже навоображал себе с три короба насчет того, что будет после ужина, потому что, когда ты вынашиваешь некоторые планы, у тебя даже тон каждый раз делается какой-то не такой.

— Какой не такой?

— Похотливый. И как ты ни стараешься убрать из него похоть, он все равно похотливый, к тому же, когда на тебя это находит, ты сразу делаешься такой хороший — как мертвый индеец. До такой степени, что из тебя хоть веревки вей, совсем дурачком становишься, причем в любой момент — стоит мне только взять вдруг и раздеться.

— А ты при этом дурочкой не становишься?

— Я не к тому, чтобы когда при посторонних или что-то в таком духе. Я насчет того, когда мы одни. А догадалась я об этом еще до нашей свадьбы, когда мы однажды пошли ночью купаться голыми в океане, а вода была жутко холодная и ты сказал, что мужчина в такой воде может себе яйца отморозить. Я думала, это потому, что мы еще не женаты, и специально потом, через пару месяцев после свадьбы, подстроила, чтобы снова пойти точно так же купаться. Хотелось с этим разобраться поточнее.

— Через пару месяцев после нашей свадьбы ты была уже беременна и подобные выходки были тебе противопоказаны медицински.

— Да ну, при чем тут медицина? Врачи в этом ничего не понимают. Кстати, в тот раз мне это несколько не повредило, зато удалось выяснить, что тогда это было не потому, что мы еще не были женаты. А потому, что, стоит тебе увидеть голую женщину, ты сразу теряешь голову. Даже с риском себе что-нибудь отморозить все равно заводишься и дуреешь.

Причем не важно, моя это нагота или любой другой женщины.

— Может, все-таки важно? — Он начал бриться.

— Мало того! Тебя заводит тело вообще любой женщины, не обязательно даже двадцатилетней девушки: она может быть тридцати-, сорока- или пятидесятилетней. Бьюсь об заклад, что у тебя бывали связи с тетками за пятьдесят.

— Может, и бывали.

— С этими старыми кошелками! Тебе вообще все трын-трава, лишь бы женщина.

— Ну, только не интеллектуалка.

— Да ты и с ними путался за милую душу. И не спорь со мной, сам знаешь, что это так.

— Честно сказать, случалось. Но с ними мне хотя и случалось... случаться, но как-то так, без удовольствия.

— Сколько же ты их перепробовал! Помнишь, ты рассказывал про ту активистку из Коммунистической партии? Которая давала одетая кому угодно — ложилась, не раздевшись, и только в сторону отодвигала то, что мешает, а ее муж в это время внизу выпивал с гостями. Ты мне рассказывал, да еще и показывал на примере: мы еще не были тогда женаты, и я видела, как ты ушел с ней наверх, а когда через десять минут вернулся, я поняла, что ты ее трахнул, потому что она стала со мной так мила, так улыбалась, но как бы сверху вниз, а ты был прямо

ну о-очень уж любезен с ее мужем. Неужто ты и тогда ее трахнул?

— И что?

— Надо же, даже одежду не снимала! Просто не успевала. У нее не хватало на это времени!

— Да времени-то хватало.

— Пускаться во все тяжкие, даже не снимая платья! Это что же за женщина такая? Конечно, разве она могла раздеться, когда через десять минут ей надо снова спускаться на первый этаж?

— Ну, не через десять. Может, через одиннадцать или двенадцать...

— Нет, ну что это за женщина такая! А о чем вы с ней говорили?

— О чем мы говорили? О России!

— Да ладно!

— Она рассказывала мне про свою поездку в Киев, а я про то, что видел в Харькове.

— А потом, значит, ты ей засадил.

— Ну, в общем, да, но она продолжала стрекотать про Киев с таким видом, будто только что победила в забеге на сотню ярдов.

— Засадил, и вы продолжали болтать как ни в чем не бывало, будто ничего особенного не происходит. Интересно, другие мужчины тоже так?

— Это уж тебя надо спросить.

— Ну ты же знаешь, что, кроме тебя, у меня никого не было. Ведь когда мы с тобой познакомились, я своей задницы от кротовой норы не отлича-

МАЛЬЧИКИ ДЛЯ ДЕВОЧЕК, ДЕВОЧКИ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ

ла. А интересно, у нее и муж так же или он визжит и пищит, как иногда, бывает, хочется некоторым женщинам? Лично мне это как-то всегда неловко — вдруг ты будешь надо мной смеяться.

— Да ради бога, визжи и пищи в любой момент, когда захочешь. Я над тобой смеяться точно не буду. А насчет мужчин думаю, что всяк все делает по-своему, некоторые, должно быть, и визжат, и пищат, но вот насчет именно ее мужа я не знаю.

— А как бы тебе понравилось, если по ходу вечеринки я вдруг взяла бы, увела мужика наверх и дала ему?

— Но ты же не интеллектуалка!

— Тоже мне. Поговорить про Киев я не хуже ее могу. Но ты не ответил: как бы тебе такое понравилось?

— Я бы остановил тебя.

— Зачем? С чего бы это тебе меня останавливать?

— Затем, что тебе бы это не принесло ничего, кроме огорчения.

— Ну, это *ты* так думаешь. А я обязательно как-нибудь попробую. — К этому моменту она закончила намыливать тело и снова уселась в воду. — Ну, спинку мне потрешь?

Глава 3

Он принялся тереть ее мочалкой, а она говорит:

— А ты не хочешь ко мне сюда в ванну залезть?

Он тер довольно сильно, наблюдая, как ее гладкая розовая кожа становится красноватой.

— Не хочу портить тебе удовольствие. К тому же мне надо там еще чили приготовить, на стол накрыть...

— Вот ты опять хитришь и сам это знаешь. Что-то из того, что я сказала, отшибло у тебя все желание, и теперь ты пытаешься представить дело так, будто ничего такого у тебя и в мыслях не было.

— Не говори ерунды. Я помоюсь под душем после ужина. А ты, когда встанешь из ванны, прими душ и выходи — у меня там будет все уже накрыто. Все, чего я хотел, это почистить зубы и побриться.

— Все, чего ты хотел, это посмотреть на меня, потому что я голая женщина.

— Конечно, я люблю на тебя смотреть. Тереть-то хватит или еще?

— Давай-давай, три еще. Три и тут, и ниже, и везде. — Лежа в воде, она выпрямилась и ждала — где

он будет ее тереть? Что ж, он потер и там, где она ожидала, а она не сводила с него глаз, следя за лицом и пытаясь угадать, о чем он при этом думает, а потом говорит: — А вот когда я была в Киеве, там один местный член партии в один прекрасный момент вдруг предложил мне посмотреть театр, построенный специально для детей, ставших сиротами во время революции.

— Да ну?

— Очень умный человек, кстати. Один из самых умных мужчин, которых я когда-либо встречала. Черноволосый такой, чернокожий, и эта штука у него тоже была очень черная, как я потом случайно подглядела.

— Да ну?

— Мы сразу пошли в тот театр, но он был, конечно, пуст, потому что времени было около часу ночи. Такой умный мужчина! Все, что он делал, было ради партии. Он просто жил ради партии. Жил только ради партии день и ночь. Мы устроили банкет прямо на сцене, которая вся была в нашем распоряжении, а мебель на ней изображала обстановку гостиной русского миллионера до революции.

— Замечательно. Теперь давай под душ, а потом неторопливо сохни и причесывайся. Волосы оставь прямыми и распущенными, не надо их поднимать наверх и укладывать хитрым образом под тем предлогом, будто это делает тебя особенно обольстительной.

— Не хочешь послушать еще про Киев?

— Не надо строить из себя интеллектуалку.

— Ты мне скажи лучше, что она-то — что она говорила тебе такого, гораздо более интересного, чем то, что рассказала я?

— Она делала особый упор на том, какая прекрасная жизнь настанет при коммунизме. И ни про каких черноволосых негроидных мужчин даже не упоминала. Я пойду займусь чили и напитками.

— А ты не хочешь рассказать мне что-нибудь про Харьков?

— В Харькове полно кретинов и зануд, так же как и в Сан-Франциско, да и в любом другом месте. Вставай давай под душ и включи холодную воду.

— А нам обязательно надо есть это рагу с перцем чили?

— А что?

— Да я что-то уже и не голодная. А ты?

— Ну, если ты не будешь, так и я не буду.

— Давай просто выпьем.

— О'кей. И не будем чересчур спешить.

— Это ты себе, главное, скажи.

Он вышел и налил себе еще стопку. Но не успел допить, как звякнул дверной звонок. Подумалось: «Если это кто-то из обормотов-приятелей, придется сказать ему, что я работаю и не могу сейчас отрываться».

Он отворил дверь, за ней оказался Чарли Флеш и его жена Элен.

— Привет, — сказала Элен. — Дейзи пригласила нас вечерком зайти. Мы с ног сбились, пытаюсь нанять к детям на вечер няню, обзвонили их целую дюжину, но вот — мы тут как тут!

Гости вошли в переднюю, и он показал Чарли, куда вешать пальто и шляпу. А ведь он просил ее — никогда, никогда не приглашать людей без его ведома, и что теперь? Как говорится, здрасте пожалуйста!

— Как поживаете? Присаживайтесь, я принесу сейчас выпить. У Дейзи нынче был тяжелый день, она в душе. Виски?

— О виски я мечтал сегодня весь вечер, — сказал Чарли. — Если я сперва дерну не разводя, а потом добавлю еще пару стопариков разбавленного, ваших запасов хватит?

— У нас много. А тебе, Элен?

— Спасибо, Дик, мне то же самое, но постойте, дайте я помогу вам со стаканами, или что там у вас.

— Не надо, сидите, сидите. Я сейчас, одну минутку. Хотите, можете радио включить. Или нет, пойдете вместе, будем сами наливать себе, кто сколько хочет.

— А-а! — одобрительно крякнул Чарли. — Вот это правильно!

Проходя мимо двери ванной, Дик нарочито бодрым голосом воззвал:

— Дейзи, ты там как, слышишь меня?

Громко шумевший в ванной душ вдруг выключился, и из-за двери донесся ее голос:

— Ну что тебе? Хочешь что-то еще рассказать про Харьков?

— Нет. К нам пришли Элен и Чарли. Я накрываю на стол. Давай скорее выходи и присоединяйся.

Ее ответа ждать пришлось довольно долго, но, может быть, Элен и Чарли не заметили. В конце концов она вспомнила, что, встретив Элен, невзначай пригласила ее вечером зайти и тут же об этом совершенно забыла. Теперь в доме гости, сейчас начнут выпивать, и закончится это вряд ли раньше чем за полночь.

— Привет, Элен, привет, Чарли, — раздался ее голос из ванной. — Я сейчас, через минуту выйду.

Глава 4

— Ну что? Как пишется? Как вдохновение? — кинул затравку Чарли Флеш.

— Да я, можно сказать, с этим почти что завязал. Сами знаете, как нынче трудно с нянями для детишек. Нанимаешь очередную старушенцию, и сперва она просто чудо, а потом не успеешь глазом моргнуть — глядь, с ней проблем уже больше, чем с детьми, больше, чем с женой, да и вообще весь институт супружества рядом с ней утопает во мраке. Ты понимаешь, что ее надо уволить, но не делаешь этого, потому что не хочешь, чтобы вся черная работа свалилась на твои плечи, при этом жена все пилит тебя и пилит, каждую ночь в постели твердит о том, какая эта няня гадина, как она притворяется, что любит ваших детей, а сама ненавидит, как неуклонно она пытается привить им свое собственное представление о хороших манерах, как она вечно ставит им в пример своих внуков, которые, конечно же, замечательно умны, красивы, а поведения так просто идеального, как она исподтишка детишек шлепает, оправдывая это тем, что будто бы маленький маль-

чик сам это предложил, а потом ты наконец даешь ей отступного и посылаешь подальше, что как раз и произошло у нас три месяца назад. Ну и с тех пор мне, естественно, не пишется и нет никакого вдохновения. А как идет парикмахерский бизнес?

— Надо же, просто вот один к одному! — изумилась Элен. — Вплоть до того, что можно подумать, будто быть парикмахером и быть писателем — это одно и то же.

— Хватит чуть-то нести! — весело перебил ее Чарли. — Вот я пью сейчас, и мне хорошо. При этом я знаю, что быть парикмахером — это вовсе не то же самое, что быть писателем, но так уж каждому из нас выпало, и никуда тут не денешься. Я прав, Дик? При чем писателю — как раз потому, что это вовсе не все равно — быть парикмахером или быть писателем, — ему как раз и интересно сравнить свое видение с видением парикмахера или еще кого-то, кого угодно.

— За исключением разве что другого писателя, — уточнила Элен.

— Это не-ет, — посерьезнел Чарли. — С другими писателями Дик разговаривать не любит. Откуда я это знаю? А прочитал в одной из его книжек — в той, которую он подарил нам на Рождество. Верно, Дик? Там где-то про это есть. Как ты куда-то там приходишь и говоришь, что на писателей тебе на-срать. Извини за выражение, Элен.

— Знаешь, ты или помалкивай, или следи за языком, — нахмурилась Элен. — То, что Дик не такой,

как другие знаменитости, еще не повод строить из себя невесть что.

— Гос-споди, да сама и помалкивай! — обиделся Чарли. — Я же всего лишь цитирую Дика! Скажи, Дик? Раньше я думал, что писатели не пользуются словами, которые в ходу у парикмахеров, но теперь знаю, что ошибался. Теперь я знаю как минимум одного писателя, который пользуется в точности нашенскими словами. Это же Дик сказал, что ему настрять на писателей. Это же не мои, это же его слова!

— Ну хватит уже, сколько можно! — сказала Элен. — Одно дело, когда у Дика что-то написано в книжке, и совсем другое, когда ты это говоришь за столом. Наверняка он имел в виду что-то иное, возвышенное, чего тебе, может быть, даже и не понять.

— И что же ты имел в виду, Дик? — обескураженно осведомился Чарли.

Писатель рассмеялся, не переставая про себя на чем свет стоит клясть тот момент, когда Дейзи, гуляя с дочкой, умудрилась пригласить их в гости, и теперь они сидят тут, надувают щеки, как два комических персонажа из плохого кино, при этом оба немало даже чересчур ушиблены тем, что его имя совсем еще недавно частенько упоминалось в газетах; упоминание же имени в газетах — это для них признак избранности просто невообразимой, а потом говорит:

— Сказать по правде, насчет той моей репризы вы оба правы, но давайте поговорим о чем-нибудь

более осмысленном. Элен, расскажи мне лучше про Рональда и Грету.

— А, ну они как всегда. Боже, что они иногда говорят, что выделывают! Сегодня Грета встала, например, после дневного сна и говорит: «Мама, а почему у женщин тут такие штуки? Ну, ты понял, что она имела в виду: то, что у нас сверху, а я, надо сказать, специально перечитала кучу всяких дурацких книжек, в которых про такие их вопросы как раз рассказано; ну, думаю, надо объяснить ей все доподлинно, как есть, а вспомнить ничего не могу, меня прямо что заколодило, и в результате я сказала ей, что это чтобы отличать, кто девочка, а кто мальчик, а она подумала-подумала да и говорит: ага, я девочка, а не мальчик, так почему же у меня тут ничего нет? И как заревет! Вроде как ей положено, а нету. Вот и читай после этого книжки.

— Могла бы сказать ей, что эти штуки даны девушкам затем, что они красивые, а еще затем, что парням нравится, когда они у девушек есть, что может быть проще? — сказал Чарли.

— Надо же, какой у нас папочка умный! Если бы я так сказала, она все равно заревела бы, потому что ей вынь да положь их *сейчас!* Чего бы я этим добилась? Счастья ей это бы не прибавило.

— А слабó сказать ей, что у девушек они затем, что парням нравится на них зырить и тискать руками. Слабó, а?

— Ой, молчи не могу! И хватит уже пялиться на мой-то, а то уставился как баран на новые ворота.

— Это *ты* думаешь, что они твои, — усмехнулся Чарли. — А они мои, женщина ты неразумная. Ты просто ходишь, носишь их повсюду, а они все равно мои. И все остальное, что к ним прилагается, тоже. Ну разве я не прав, Дик? Само по себе то, что у меня парикмахерская на четыре кресла — вся, между прочим, чистая от долгов, — совершенно не обязательно должно значить, что я не могу иметь собственных философских взглядов, пусть и не шибко научных, ты ж понимаешь! С тех пор как я кончил школу, я много думал, времени на это не жалел и пришел к кое-каким интересным выводам. Может, некоторые из них и ошибочны, но если и так, то разве что слегка. Все же не зря я пятнадцать лет уже стригу клиентов, на цырлах вокруг них бегаю, и бывает, что за день ни разу даже не присяду. За это время я кое-что уяснил себе — причем сам, без всяких книжек! — и вот что я понял: главное в жизни знаете что? А вот как раз эти две штуковины. — Чарли довольно хохотнул. — Эти две и две с другой стороны, чуть пониже, да спереди еще теплая норка. И все это вместе собрано в аккуратненький такой подарочек, который день ото дня становится все лучше и даже больше, сколько ни убеждай себя в том, что все это фигня. Конечно, и детей этот подарочек приносит, и проблемы создает, да и денег на него уходит изрядно, ну и что? Оно того стоит!

Теперь уже и Элен радостно посмеивалась: больно уж ей понравилось то, что сказал о ней ее муж, и то, какое впечатление он этим произвел на писателя, — да и вообще, надо сказать, так смело и откровенно он раскрывается только тут, в доме у писателя и его жены.

— Ой, молчи не могу! — выговорила она сквозь смех и снова захихикала.

— Ты смотришь и понимаешь: это хорошо, — продолжал Чарли, стараясь контролировать свой голос, чтобы самому тоже не захихикать. — Потому что чертовски хорошо чувствуешь, как это тебя пробирает. Да-да, и тебя тоже, Элен! Примерно так, как это делал с тобой Кларк Гейбл, когда девчонкой ты сидела в кинозале в окружении полудюжины таких же восторженных сикалок-подружек.

— Эй! — воззвала вдруг из ванной Дейзи. — Меня-то подождите! А то сами веселятся, а я?

— Не волнуйся, — выкрикнул в ответ писатель. — Нашего веселья на всех хватит. Правда же, Чарли? У нас его еще много!

— Ой, *мын-ноого!* — подтвердил парикмахер.

— Давай-ка долью. — Писатель взял у гостя пустой стакан.

— Только чуть-чуть, много не надо. *Чу-чуть, чу-чуть.* А то я так резво начал, что долго, пожалуй, не продержусь.

Писатель встал, пошел наливать парикмахеру следующую порцию.

Сароян У.

С 20 Мальчики для девочек, девочки для мальчиков : роман / Уильям Сароян ; пер. с англ. В. Бошняка. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 256 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-11526-2

Уильям Сароян — выдающийся классик американской и мировой литературы, соединивший в своем творчестве, полном юмора, жизнелюбия и житейской мудрости, традиции Чехова и Хемингуэя. За разнообразными человеческими недостатками своих героев он всегда видит светлое, доброе начало; мягкий юмор соседствует с горькой иронией, а внешняя неброскость — с чувством слова природжденного сказителя.

Роман «Мальчики для девочек, девочки для мальчиков» имеет под собой автобиографическую основу: в его героях без особого труда угадываются и сам Сароян, пытающийся преодолеть писательский кризис, и его жена, актриса Кэрол Маркус, воспитывающая их двух детей и тоскующая в Сан-Франциско по нью-йоркскому обществу, и Глория Вандербильт, и даже Чарли Чаплин...

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

УИЛЬЯМ САРОЯН
МАЛЬЧИКИ ДЛЯ ДЕВОЧЕК,
ДЕВОЧКИ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Елена Терскова, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.07.2016. Формат издания 70 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 10,32.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

YLAP1955601R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/